
ЛОГИКА СЕГОДНЯ

*Иван Микиртумов*¹

ОТНОШЕНИЕ ИМЕНОВАНИЯ И ПРОПОЗИЦИОНАЛЬНЫЕ УСТАНОВКИ²

Аннотация. В этой статье я хочу изложить аргументы в пользу гипотезы, согласно которой отношение именованности между употребляемыми агентом *de re* выражениями и объектами в текущей или иной ситуации произнесения являются содержанием специфических пропозициональных установок агентов. В этом качестве они становятся индексами контекста и имеют черты, отличающие их от установок, содержанием которых являются положения вещей, не описывающие явления сигнификации. Рассматриваемая гипотеза связана с проблемой передачи наблюдателем содержания установки агента, а также её аскрипции агенту. Я постараюсь показать также, что установки, относительно отношения именованности, выявляются при анализе прагматики. Сначала обсуждается вопрос о параметризации интенционала, в частности предложений, находящихся в области действия оператора установки, затем я перейду к вопросу о выявлении контекстных параметров, связанных с отношением именованности и их специфике, после чего обсудю вопрос о моделировании кросс-идентификации с помощью абстракции отношения именованности. Последним сюжетом станет взаимовлияние двух *de re* термов во фразе и во фрагменте дискурса, что выводит на вопрос о соотносительном характере дифференциации *de re / de dicto* и о роли в ней отношения именованности.

Ключевые слова: отношение именованности, пропозициональные установки, интенционал, контекст, *de re*, дескрипция.

Ivan Mikirtumov

THE NAMING RELATION AND PROPOSITIONAL ATTITUDES

Abstract. In this article I will try to demonstrate how naming relation functions as a specific kind of the propositional attitudes of agents that help to carry out cross-identification as well as attitude reports, within which the subject's *de re* expressions are substituted with some expressions of the agent transmitting that attitude. I regard the naming relation as an aspect of contextual dependence of intentional and interpret the intension as a procedure. The abstraction of the naming relation of a *de re* term becomes an instrument to render this term to be used *de dicto*. As this operation is being carried out, the circumstances connected with the act of naming come to light,

¹ *Микиртумов Иван Борисович* — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры логики, Санкт-Петербургский государственный университет.

Ivan Mikirtumov, Dr. of Sc., professor, Department of Logic, Saint Petersburg State University.
i.mikirtumov@spbu.ru

² Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ 18-011-00895 «Логическое исследование сигнификативных явлений: семантика и прагматика».

Автор благодарит Даниила Тискина за ценные замечания, высказанные им в связи с содержанием статьи.

and they become indices of the context. The naming relation itself appears to be a function of the situations of uttering in the orderly structured collection of situations in which some deictic element is retained. This provides cross-identification of objects. I also discuss what happens when two *de re* expressions collide in a sentence or in any given fragment of discourse. It turns out that the expressions that retain their *de re* character to the utmost degree require some data for their interpretation, which also suffices to establish meanings of all other expressions. It is for the agent that pursues some specific communicational goals, to make the choice of the expression that would require the conditions of its truth to be delineated. As regards the cases of double acquaintance, “third readings” and non-specific *de re* readings, I believe that the “intrusion” of a signifying attitude *de re* of a speaker into that of an agent for its description requires the properties of a specific relation to be taken into consideration; the relation that is formed between the order of naming and the cross-identification of a speaker, and the worlds of situations that are associated with the interpretations of the agent’s attitude.

Keywords: naming relation, propositional attitudes, intension, context, *de re*, description.

1. Интенционал и индекс

Начну с фраз из примера Куайна, в которых употребляются *de re* дескрипция и имя собственное:

- (1) Ральф полагает, что человек в шляпе — шпион.
- (2) Ральф полагает, что Орткатт — шпион.

Если интерпретировать установку «полагать» в духе общей интенциональной логики, то она выражает отношение между агентом и пропозицией, т. е. смыслом предложения. В данном случае, речь идёт о предложениях

- (3) Человек в шляпе — шпион.
- (4) Орткатт — шпион.

Под смыслом предложения понимается композициональная процедура вычисления денотата предложения, параметры которой означиваются в точке соотнесения, т. е. в возможном мире и в некоторый момент времени. Такая процедура может быть представлена как функция из множества точек соотнесения во множество $\{T, F\}$. Информация, необходимая для вычисления значения, может быть весьма разнообразной, поэтому, помимо точек соотнесения и определяемых ими данных, могут привлекаться параметры контекста (об этом речь пойдёт ниже). Процедурная трактовка означает сведение значения к установкам и практическим действиям агента, в которых он на первом шаге имеет дело с выражениями, например (3) и (4), как с синтаксическими единицами. На этом пути можно различить смыслы этих предложений, тогда как условия их истинности для наблюдателя совпадают, в силу того, что дескрипция «человек в шляпе» (*H*), употреблённая Ральфом *de re*, имеет своим референтом Орткатта (*O*). Ральф не знает об этом, поэтому учёт плана ментальных состояний Ральфа даёт иную дифференциация смыслов предложения (3) и (4), нежели это имеет место для наблюдателя, знаю-

щего, что $H = O$. Предположим, что Ральф решит проверить, является ли H шпионом, и предпримет для этого некоторые действия. Для наблюдателя описание тех или иных действий Ральфа будет понятным независимо от того, как в них будет обозначен Орткатт. При этом, некоторый второй наблюдатель, не осведомлённый о том, как Ральф идентифицирует Орткатта, может в ряде ситуаций, например когда Орткатт окажется без шляпы, недоумевать, почему его продолжают называть человеком в шляпе. Но это недоумение будет относиться не к действиям Ральфа, а к их описанию и к описанию его ментальных состояний. Когда Ральф выслеживает Орткатта на улицах, наблюдатель может использовать свою собственную систему обозначения действующих лиц, когда же Ральф отправляется в полицейский участок и пишет заявление, в котором фигурирует дескрипция «человек в шляпе», наблюдатель узнаёт о том, как Ральф идентифицирует предмет своих подозрений, а когда в результате усилий Ральфа Орткатта задерживают и просят предъявить документы, наблюдатель читает в протоколе, что были предъявлены водительские права человека по фамилии Орткатт. То, как разные люди именуют Орткатта в ходе верификации Ральфом предложения (3), для наблюдателя становится известным лишь тогда, когда отношение именованья проявляет себя явно, т. е. в действиях по соотносению знака с объектом, в частности в ходе знакомства или демонстрации. Но такие действия могут и не иметь места, т. е. Ральф, взявшись следить за H , самостоятельно обнаруживает, что имеет дело с благонамеренным гражданином, так и не узнав его имени. Таким образом, если смысл предложения, понимаемый как процедура его верификации, не содержит операций с отношением именованья, затрагивающих существенный для него объект, то для наблюдателя не имеет значения, как Ральф именует Орткатта. В протоколе действий Ральфа имя для Орткатта выбирается составителем протокола, а значит на месте Ральфа может оказаться любой другой агент, совершающий те же действия, т. е. смысл предложения (3), где H , как мы помним, употребляется референциально, перестаёт отличаться от смысла предложения (4).

Между тем, если посмотреть на ситуацию со стороны Ральфа, предложения (3) и (4) получают различные смыслы. Пусть Ральф понимает, в чём состоит шпионская деятельность и как выявляют шпионов. Тогда смысл (4) отличается от смысла (3) тем, что при попытке интерпретировать (4) Ральф не сможет найти референта для имени «Орткатт». Как выразить это отличие? Одна возможность состоит в том, чтобы посчитать знание или незнание Ральфом денотации тех или иных имён одним из положений дел в том возможном мире, в котором интерпретируется (4). Но мне кажется, что, сталкиваясь с ситуацией, подобной той, в которой находится Ральф, мы предполагаем положения дел в мире фиксированными и на этом фоне рассматриваем знание агентов о том, как обозначены те или иные объекты или каковы значения тех или иных имён. Совокупность такого рода обстоя-

тельств — семиотических фактов — характеризует выражает знание особого рода, не связанное с информацией о свойствах объектов и востребованное для интерпретации выражений не всегда. Мне кажется поэтому, что отличие смыслов предложений (3) и (4) лучше выразить через определяемое означиванием значение одного из параметров контекста, традиционно называемых индексами контекста. Ниже я остановлюсь на этом подробнее, а пока хочу зафиксировать, что знание или незнание Ральфом кореференции выражений «человек в шляпе» и «Ральф» делает процедуры, соответствующие смыслам (3) и (4), различными в их эмпирической реализации. В одном случае Ральф будет выслеживать человека в шляпе, в другом — человека по имени Орткатт. Этот возвращает нас к жёсткому критерию тождества смыслов, который в логике смысла и денотата Алонзо Чёрча получил название «Альтернатива 1» (Church 1951) и состоит в том, что тождественными по смыслу признаются выражения отличающиеся друг от друга не более чем переименованием связанных переменных и применением операций λ -абстракции и конверсии. При процедурной трактовке смысла мы имеем дело с семантической программой, которая представляет собой последовательность выражений метаязыка, первое из которых содержит интерпретируемое выражение. Считая программы тождественными, если их выполнение есть совершение одних и тех же операций с одними и теми же объектами, мы получаем критерий тождества, обеспечивающий различения смыслов выражений в духе «Альтернативы 1», если не более точно. Следует заметить, что несовпадение смыслов (3) и (4) обеспечивается установками Ральфа, который, не зная о тождестве $H = O$, реализует соответствующие процедуры по-разному. Наблюдатель же, знающий об этом тождестве, хотя и сопоставит предложениям (3) и (4) программы, отличные по крайней мере выражением, стоящим в первой строке, может реализовать их одинаково. Отождествление смыслов синонимических выражений опирается на различные критерии (Anderson 2001), принятие которых каждый раз соотносится с коммуникативной ситуацией. Если принятие или отвержение синонимии (тождества) не влияет на успех языкового сообщения, то основанная на ней замена термина может рассматриваться как не оказывающая влияния на смысл³. Так, синонимические переформулировки активного залога в пассивный и наоборот можно признать не меняющими смысл, если речь идёт об агентах, хорошо знающих язык, а для тех, кто, например, владеет языком неуверенно, это не так. Подобным образом, использование выражений обыденного языка и профессиональных терминов для обозначения чего-либо можно принять как тождественные по смыслу, если коммуниканты владеют обоими словарями, но не тогда, когда кому-то известен только первый. Что касается «случайного совпадения» десигнатов двух разных концептов в данном мире (начало дискуссии см. в Scott 1970), которое как раз и имеет место в случае $H = O$ в неко-

³ Разумеется, в том случае, если такой критерий отождествления принимается.

торых мирах наблюдателя (образующих, например, упорядоченную по времени последовательность), то оно может служить основанием тождества смыслов выражений, содержащих эти имена, только тогда, когда различие по смыслу *H* и *O* не находится в фокусе коммуникации, т. е. когда на это различие можно не обращать внимания без ущерба для достижения коммуникативного успеха (см. Микиртумов 2017). Это обстоятельство можно учитывать как прагматический критерий отождествления смыслов выражений, но в рассматриваемом примере для наблюдателя имеет место как раз противоположное, и коллизия возникает из-за различий в способе именованья Орткатта.

Гипотеза о том, что интенционалы, или семантические программы, включают индексные параметры, находит подтверждение в следующем. Если рассматривать смыслы предложений (3) и (4) как вариации одной и той же процедуры, то их отличия связаны с тем, как Ральф и наблюдатель именуют Орткатт, оно не влияет на композициональность смысла, но определяет черты уже составленной процедуры вычисления значения. Параметризуемость интенционала как основание для сводимости разных интенционалов к некоторому «родовому» как их общей форме следует отличать от случая, когда выражение имеет несколько различных интенционалов. Последнее имеет место, например, при многообразии практических реализаций значения одной лексической единицы. Арифметическое равенство $7 + 5 = 12$ может интерпретироваться разными агентами по-разному — в зависимости от того, как их учили считать. Одна считает в уме, другой на счётах, третья на арифмометре, четвёртый использует калькулятор, и каждому известен только один метод. Здесь представлены четыре разных смысла, дающих один и тот же денотат, т. е. имеются описания четырёх процедур, которые начинаются с одной и той же строки и заканчиваются одной и той же строкой. Эти процедуры могут быть освоены независимо друг от друга, и знание их всех не устраняет различий между ними. Если же Ральф узнает, что *H* есть *O*, то процедурам, сопоставляемым как смыслы предложениям (3) и (4), можно сопоставить одну процедуру, в которой Орткатт обозначен либо своим собственным именем, либо дескрипцией, либо любым иным способом, делающим построение семантической программы практически более удобным. Так или иначе, но исходные процедуры близки по своей структуре, различие затрагивает лишь один из их блоков, а именно установление референта данного именного выражения. Синтаксическая замена этого блока на другой, отсылающий к тому же объекту, порождает новую процедуру. Вместо «субъективного» или «личностного» смысла можно поэтому говорить о его контекстной зависимости, выраженной индексными параметрами, один из которых есть отношение именованья *de re* термина — независимый процедурный блок. Одно и то же значение параметра именованья для разных агентов будет в общем

случае порождать один и тот же смысл, поскольку как таковое отношение именованья контекстно независимо⁴.

Рассматривая предложения (3) и (4) вне сценариев примера Куайна, мы получим бесконечное разнообразие семантических процедур, отличающихся между собой не критериями, по которым выявляются шпионы, что, конечно, также возможно, но путями интерпретации дескрипции и собственного имени. Различие между смысловыми блоками, связанными со значением предиката и значением сингулярного термина, выражается тем, что сопоставляемый предикату интенционал от индексов контекста не зависит, т. е., если использовать терминологию Каплана, его «характер» не изменяется, и его «содержание» (интенционал) всегда одно и то же (Kaplan 1989: 506), в то время как для сингулярного термина это не так. Это различие связано не с абсолютной интактностью интенционала предиката к контексту, но с относительно меньшей её степенью по сравнению с сингулярными терминами. При трактовке интенционала как процедуры предикату сопоставляется определённый способ дифференциации n -ок объектов (возможных или действительных), удовлетворяющих ему или не удовлетворяющих. Изменение его содержания эпистемологически непродуктивно, поскольку нам интересно знать, как от мира к миру меняются экстенционалы свойств и отношений объектов, т. е. мы обращаемся к свойствам свойств, многообразие которых отражает всю возможную динамику индивидов, на основе которой может быть установлена кросс-идентификация. Смысл, сопоставляемый сингулярным терминам, есть при этом процедура, в ходе которой агент тем или иным образом соотносит выражение и объект, в результате чего у него возникает знание об истории появления и функционировании этого выражения как языковой единицы, обозначающей данный объект. Здесь характер совпадает с содержанием только в некоторых случаях. Разные люди в разных ситуациях называют разные объекты «человеком в шляпе» и «Орткаттом», но во всех этих ситуациях смысл предиката «быть шпионом» может быть одинаковым, и именно его можно считать формообразующим для построения интенционала предложения вида « x — шпион».

Контекстный параметр процедурного блока, отвечающего за денотацию *de re* термина в рамках установки агента, отражает некоторое знание агента об отношении именованья. Оно модулирует интенционал, но, в общем случае, не изменяет его глобальной структуры. Не происходит этого и при сдвиге

⁴ В самом деле, установление связи между знаком и его референтом не требует дополнительной информации, изменение которой влекло бы и изменение этой связи. Контекстно зависимой может быть феноменологическая идентификация знакового комплекса и референта, предшествующая установлению отношения обозначения. Последнее как условие использование языка не параметризуется. Я не думаю, что можно считать употребление дескрипции референциальным, если агент не «знаком» с её референтом, хотя бы этот предмет и находился прямо перед ним, как это имеет место в старинном рассуждении «Орест, или покрытый».

значения параметра с агента на наблюдателя, т. е. при переходе от (1) к (2) в ситуации, когда Ральф не знает, что человек в шляпе — это Орткатт. Блок интерпретации наблюдателем имени «Орткатт» вносит в процедуру тот же вклад, что и блок интерпретации Ральфом выражения «человек в шляпе». Ральф мог бы оперировать такой же процедурой, что и наблюдатель. Такого отличие процедур друг о друга не позволяет отождествить их в случае аскрипции, но имеет особый характер, дающий основание считать рассматриваемое отличие параметрическим. И это будет одним из обстоятельств, по которым в коммуникации наблюдателей, знающих об установках Ральфа, (2) может при определённых условиях успешно использоваться наравне с (1). Можно сказать, что интенционалы (1) и (2) тождественны с точностью до блока денотации *de re* термина.

2. Агент и именование

Современная теория контекста имеет своим главным источником работу Давида Каплана «Демонстративы» (1977) (Kaplan 1989), идеи которой продолжают обсуждаться (см. Yalcin 2019). Каплан различает контекст произнесения выражения, его содержание и индексные компоненты. Контекст описывается как ситуация анонсирования выражения и включает в себя говорящего, время и место произнесения. Под содержанием понимается выражаемая пропозиция — положение дел, или факт. Индексными являются те компоненты выражения, установление денотата которых зависит от контекста. Дэвид Льюис добавляет к чертам контекста возможный мир, т. е. предлагает учитывать не только физическое, но и «логическое пространство» (Lewis 1980: 85). Индекс в этом случае есть параметр, означиваемый обстоятельствами, которые в данном возможном мире и в данный момент времени делают истинность предложения случайной (Lewis 1980: 82, 86). Для более полной реконструкции ситуации произнесения сюда следует добавить ещё и адресата сообщения. Возможный мир в роли элемента контекста ставит следующую проблему: в равной ли степени информация, необходимая для установления содержания (интенционала) выражения и его денотата, явно или неявно известна одновременно говорящему и интерпретатору. Тем самым спрашивается, в частности, относятся ли факты отношения именованья к положениям дел мира или они должны быть локализованы иначе. «Характер» у Каплана как функция из контекста в интенционал порождает процедуру установления значения, релятивизованную к ситуации произнесения. Происходит насыщение информацией контекста некоторого исходного, или минимального, «значения» выражения, взятого как форма. Но обращение к этой информации требуется не всегда, и она включается в работу, если без неё невозможно обойтись. Контекстная зависимость сначала обнаруживается как проблема, а затем получает выражение в виде набора параметров-индексов, которые

означиваются. Я не хочу здесь обращаться к богатой дискуссии о целесообразности разделения контекста и индекса, и ограничусь лишь изложением некоторых аргументов в пользу того, что знание агента о существовании того или иного отношения именованию имеет индексный, или пост-семантический⁵, характер, т. е. оказывает влияние на установление значения предложения после того, как его смысл уясняется (Yalcin 2019: 4–5), что позволяет вывести семиотические факты за рамки положений дел в возможном мире.

Вернёмся к примеру Куайна, где Ральф сталкивается с Орткаттом дважды, не зная, что это Орткэтт, и обозначает его сначала как «человека в шляпе», затем — как «человека на пляже» (*S*). Ситуации эти разнесены во времени и относятся к разным мирам. Для наблюдателя, но не для Ральфа верно

(5) Человек в шляпе — это человек на пляже,

и это не суждение о тождестве, но суждение о кросс-идентификации референтов двух *de re* дескрипций.

(5') «Человек в шляпе» — это «человек на пляже»

выражает это обстоятельство более точно, но в естественном языке, используя дескрипции *de re*, мы не ставим кавычек, и проблемные ситуации, для описания которых приходится привлекать альтернативные сценарии, возникают именно потому, что остаётся неясным, референциально или атрибутивно употреблена дескрипция. Собственно, кавычки или любой другой способ маркировки *de re* термина устраняли бы часть затруднений, артикулируя как раз ту информацию контекста, которую я пытаюсь поместить в сферу установок агентов. В (5) такой информации не содержится, так что предложение можно проинтерпретировать на паре $\langle u, t \rangle$, имея в виду одного и того же человека. То обстоятельство, что *H* и *S* получают денотат относительно двух разных точек соотнесения, предполагается известным из контекста, причём пре-семантического, поскольку, как легко можно заметить, сама формулировка (5) адекватна сообщению об идентификации, но не о тождестве, и ценность первого выше возможной ценности второго, так что с высокой вероятностью импликацией (5) становится разведение ситуаций возникновения двух дескрипций. Но что именно известно, когда интерпретатор знает о двух точках соотнесения? В (6) они разведены явно с помощью пространственных и временных координат:

(6) Человек в шляпе, которого Ральф видел около верфей, — это тот, кого он потом видел на пляже без шляпы.

⁵ Термин принадлежит Джону Перри, который разделил означивание того, что в традиции Каплана и Льюиса называется индексными параметрами, на три этапа: пре-семантический, семантический и пост-семантический (Perry 2001). На первом обстоятельства, связанные с содержанием выражения, определяют его возможную форму, на втором индексные параметры означиваются отсылкой к ситуации произнесения, анализ которой доступен говорящему и слушателю, на третьем восстанавливаются неартикулированные компоненты, без которых содержание пропозиции полностью не может быть воспроизведено.

Находящийся на пляже и без шляпы не обладает свойством находиться около верфей и быть при шляпе, так что, приписав референту H в $\langle w, t \rangle$ свойство «быть на пляже без шляпы в $\langle w', t' \rangle$ », а референту S свойство «быть на верфях и при шляпе в $\langle w, t \rangle$ », наблюдатель, фиксируя, таким образом, протокол изменения состояний объекта, обеспечивает себе возможность проследить его трансформации от мира к миру (ср.: van Frassen, Lambert 1970). Каждая трансформация предполагает изменение свойств и отношений, так что объект всегда в чём-то «бывший» и «будущий». Сочетание его такого рода овремененных предикатов образует некоторое свойство его индивидуального концепта, но соответствующие «реальные» предикаты несовместимы (Heim, Kratzer 1998: 72), что исключает тождество, но сохраняет основание для идентификации⁶. Обозначим это отношение символом \approx и зафиксируем связь значений дескрипций:

6 Можно ли понять предложение «М — бывший (будущий) муж N» как выражающее не овременённое суждение «Было (будет) так, что М находился в браке с N», а как суждение с овременённым предикатом «быть бывшим мужем»? По-видимому, существуют контексты, в которых такое прочтение правильно: «Здесь собрались будущие философы», «Зал был полон отставными чиновниками». Последнее предложение содержит предикат «быть чиновником в отставке», условия истинности предикации которого объекта x требуют в качестве пресуппозиции «Было так, что x — чиновник». Появление специфического предиката связано с тем, что карьера чиновника с необходимостью предполагает поступление на службу и отставку. О чиновнике, почившем при исполнении обязанностей, не говорится как об отставном, а равно и о почившем в браке не говорят как о бывшем муже. Тем самым подчёркивается формальный характер статусов. Бытие философом в меньшей степени связано с формальностями, поэтому предикат «бывший философ» звучит иронически, как и «бывший пешеход» и, ещё более, «бывший живой» в значении «мёртвый». Брак формален, поэтому «будущий муж» и «бывший муж» естественны. «Будущий бывший муж» и «будущий отставной чиновник» не кажутся употребительными вне иронии. Отношение, связывающие миры, в которых x — ещё не чиновник, чиновник и отставной чиновник, не вполне транзитивно. Нет смысла приписывать человеку, только собирающемуся поступить на службу, предикат, выражающий его будущее свойство, связанное с оставлением службы, поскольку, во-первых, он может и не поступить, во-вторых, может почить, не выйдя в отставку. Но «бывший будущий муж», «бывший будущий чиновник» могут быть предцированы и тем, кто не стал ни мужем, ни чиновником. Здесь уже не ирония, а сарказм. В этом случае предложение «М — бывший будущий муж N» не совпадает по условиям истинности с «Было так, что будет так, что М муж N». Фраза «будущий муж N» содержит «забегание вперёд» и означает предполагаемого мужа, т. е. жениха. В этом отношении прошлое не симметрично будущему, и интерпретация «М — бывший будущий муж N» возможна при прозрачном чтении эпистемической установки агента, ожидавшего заключения брака. Условия истинности совпадают с условиями для предложения «Было так, что z полагал, что будет так, что М вступит в брак с N». Адекватная форма выражения в естественном языке должна содержать кавычки: «М — бывший „будущий муж“ N», что, однако не требуется для «М — бывший жених N». Это предложение несёт идентификацию М в мире наблюдателя в прошлом с М в его мире теперь, а предложение «М — бывший „будущий муж“ N» предполагает к тому же идентификацию М в мире наблюдателя в прошлом с М в мире агента z в прошлом. Таким образом, в предикате «быть бывшим „будущим мужем“» сочетание „будущий муж“ выражает свойство «быть тем, о ком думают, что в будущем он станет мужем». Овременённые предикаты, по-видимому, играют роль компактных эпистемических установок с неопределённым субъектом.

$$(7) \quad [H](w, t) \approx [S](w', t'),$$

где $[\cdot]$ — функция значения. Информация, содержащаяся в (7), может быть выражена для Ральфа относительно пары w', t' , но отнесение факта, связанного с явлением идентификации к числу положений дел возможного мира, не добавляет к нему ничего специфического. Отношение идентификации для наблюдателя соответствует набору фактов необходимых, т. е. обстоятельствам, имеющим место во всех мирах, что воспроизводит свойства жёстких десигнаторов. Причина состоит в том, что идентификация требует указания координат точек соотнесения или уточнения отношения между ними, как это имеет место в (6). Если же означивания соответствующих параметров производятся контекстом, как это предполагается для (5), то его сдвиг может разрушить и идентификацию, так что отношение идентификации, оставаясь необходимым, оказывается контекстно зависимым, причём индекс такой зависимости привязан к агенту. Это значит, что для наблюдателя (первое значение параметра), следящего за Орткаттом весь день, (5) истинно, причём необходимым образом, а для Ральфа (второе значение параметра) — ложно.

Роль агента при именовании отметил ещё Готтлоб Фреге, говоривший о существовании «представления» о предмете как его «внутреннем образе» для агента и связывавшем с таким представлением не только знание о предмете, но и опыт взаимодействий с ним, возникающие по его поводу эмоции, способы сообщения о предмете другим людям (Фреге 2000: 232). Представление индивидуально и отлично от смысла знака, который для Фреге универсален. Обсуждая пример Куайна, Каплан соотносит уникальный образ объекта, привязанный к месту, времени и агенту, с его «живым» или «ярким» именем, отличающимся от имени репрезентативного — дескрипции (Kaplan 1968). Сходные решения предлагались не раз (см. обзор Yalcin 2015: 217–220, прим. 15–19), и их общей чертой можно назвать усложнение плана референции, когда наряду с интенционалом *de re* выражения в некотором мире привлекается репрезентация денотата объекта в сознании агента в некотором выделенном мире, т. е. специфический смысл, связанный со знакомством. Средствами интенциональной логики в духе Монтегю это моделируется установлением специфической связи между репрезентацией объекта в выделенном мире и идентифицируемыми с ним объектами в других мирах, как это имеет место в случае концепт-генератора у Орина Перкуса и Ули Зауэрланда (Percus, Sauerland 2003). Каплан (Kaplan 1968) полагает, что в ситуациях, в которых происходит знакомство агента с объектом и его именование, компонентом пропозиции становится именно сам объект, а не индивидуальный концепт, как это происходит при использовании уже известных имён или иных употребляемых *de re* выражений. Знакомство есть особый когнитивный контакт агента с объектом, в котором данность объекта ничем иным кроме этого контакта не опосредована, а потому, как полагает Каплан, нет необходимости привлекать интенционал. Эта версия спорна, поскольку, во-первых, не вполне

понятно, что значит «сам объект» в роли компонента интенциональной сущности — пропозиции. Идентификация объекта как феномена предполагает придание ему черт элемента формальной онтологии, таких, например, как атомарность, или, напротив, наличие некоторого соотношения частей и целого, определённой устойчивости во времени, пригодности быть компонентом тавтологических пропозиций и пр., так что само усмотрение объекта как вступающего в отношение именованя со знаком возможно лишь после его «сборки». Во-вторых, если предполагать воспроизводимость пропозиции, в которой сам объект является конституентой, то потребуется просто более масштабная репродукция, когда *in absentia* воспроизводится не объект, но вся ситуация его «вхождения» в пропозицию. Это делает предполагаемую Капланом непосредственность мнимой.

Следуя Фреге, Сет Ялджин использует универсум модусов презентации объектов агентам и отношение «быть модусом презентации» (PM), которое связывает такой модус с объектом (Yalcin 2015: 216). В его формализации (1) выглядят как

$$(8) \quad \exists x . PM(x, \hat{H}) \wedge Bel(R, \hat{(spy(H))}),$$

где $\hat{}$ — знак интенционала, \hat{H} относится к совокупности смыслов, релевантных контексту, первой встречи Ральфа с референтом H . Условия истинности (8) требуют существования в актуальном мире объекта, которого Ральф знает как человека в шляпе и относительно идентифицируемого так лица полагает, что он шпион. Ялджин указывает, что при этом условия истинности (8) становятся функцией контекста, причём содержащего информацию прагматического характера, в которой, в частности, отражены цели говорящего, свойства слушателя и пр.⁷

Здесь процедурное понимание интенционала сочетается с его контекстной зависимостью, а индексами контекста становятся характеристики, отсылающие к агенту, которые могут быть артикулированы в логической форме как параметры. Но если сделать их содержанием пропозиции, конституированной каким-то реальным предикатом, то окажется, что употребление такого предиката несёт с собой пресуппозиции. Например, говоря, что я закончил работу, я сообщаю, что некоторое время назад она была начата. По-видимому, аналогичная ситуация имеет место при использовании *de re* термов. «Человек в шляпе» несёт с собой пресуппозицию относительно того, что это выражение было кем-то и когда-то присвоено какому-то объекту. Сказав же, что Ральф считает Орткатта шпионом, я вношу пресуппозицию, но двусмысленную, ибо не ясно, кто использует имя Орткатт. Обстоятельства отношения именованя могли бы рассматриваться как подлежащие пресуппозированию, если бы не были параметрами, в частности, при интерпретации пропозициональных установок. Именно поэтому мне кажется, что речь здесь идёт об индексах отношения именованя, которые в естественной форме выраже-

⁷ Эти идеи ранее высказывались в работах (Sosa 1970; Shiffer 1977).

ния не артикулированы, но которые могут быть проявлены в логической форме и которые в этом случае будут делать контекстные параметры, к которым обращаются, после того как интенционал сформирован, явными, т. е. означиваемыми в процессе формирования интенционала. Относительно результата такого преобразования можно высказать следующую гипотезу: *de re* выражение будет утрачивать этот свой характер, связанный с неартикулированностью ряда контекстных параметров, и будет замещено на *de dicto* особого рода, которое можно было бы назвать *de nomine*, или выражением, которое обозначает свой денотат почёркнуто непрозрачно, т. е. оговаривая отношение именованя, в которое вступает знак.

3. Абстракция отношения именованя

Достигается это абстракцией отношения именованя, стоящего за использованием сингулярного термина (Микиртумов 2018). Выражению B , употребляемому *de re*, сопоставляется следующая структура

$$(9) \quad (\delta y . \text{id} : s, a, y) \langle B \rangle,$$

где δ — оператор абстракции отношения именованя, id — дейктический референт, который агентом a в ситуации s обозначается знаковым объектом y . Ситуация s включает в себя пару мир–время $\langle w, t \rangle$ и набор параметров контекста c , образованный, самое меньшее, агентом и дейктическим полем — a, de .

δ -абстракцию от предложения можно в естественном языке описать так:

- (δ) Смысл предложения «Человек в шляпе — шпион» в некоторой ситуации означает, что существует ситуация более ранняя или совпадающая с данной, в которой некоторый агент обозначил некоторый её дейктический референт выражением «человек в шляпе» и относительно этого референта или идентифицируемого с ним референта текущей ситуации утверждается, что он шпион.

Более формально:

Если в s утверждается $A(B)$ и B — *de re* терм, то это подразумевает, что существуют ситуация $s^* \leq s$, её дейктический референт id^* и агент a , такие, что a в s^* обозначил id^* термом B , и в s существует id такой, что $\text{id}^* \in s^* \triangleright_a \text{id} \in s$ и id выполняет A .

Значение *de re* на примере дескрипции H вне предложения:

$$(10) \quad [H]_s = \\ [(\delta y . \text{id} : s^*, a, y) \langle H \rangle]_s = \\ [\text{id}]_{c^*} : [a]_{c^*} \text{ именуется его } [\langle H \rangle]_s = \\ [\text{id}]_{c^*} : \text{Ральф именуется его } \langle H \rangle =$$

дейктический референт $id^* \in s^*$, такой, что Ральф в s^* именуется его « H », где контекстом $c \in s$ предполагается, что для некоторой ситуации s^* имеет место $id^* \in s^* \blacktriangleright_{\text{Ральф}} id \in s$.

\blacktriangleright_a — это отношение (рефлексивное и транзитивное) трансформации ситуаций, в которой удерживается объект, т. е. для конкретного агента обеспечивается его идентификация как дейктического референта. Семантика этого отношения содержательно может быть представлена так: агент полагает, что, сохраняя некоторый когнитивный контакт с дейктическим референтом исходной ситуации на протяжении ряда ситуаций, он будет иметь достаточные основания для признания его в некотором специально уточняемом смысле «тем же самым», что и некоторый референт конечной ситуации. По существу, \blacktriangleright есть кросс-мировое тождество, релятивизованное к агенту и отнесённое к сфере его установок, фиксируемых контекстом. В (10) значение дескрипции H описывается как возникающее в более ранней ситуации, а возможность *de re* употребления H в текущей ситуации обеспечивается трансформацией s^* в s для Ральфа, т. е. именно он идентифицирует референты миров двух ситуаций. Если $s^* = s$, то временного смещения нет и имеет место присвоение обозначения, или акт именованья.

Дейктическое поле представляет собой привязанный к ситуации и агенту набор объектов — дейктических референтов, которые агент может указать и обозначить *de re*. Такой набор всегда конечен, характер дифференциации объектов зависит от эмпирических обстоятельств, ибо агент, синтезируя выражение для обозначения дейктического референта, наделяет его выразительными чертами, достаточными для идентификации референта в ситуации именованья. Так, для появления дескрипции «человек в шляпе» Ральф должен наблюдать Орткатта в обстановке, в которой нет большого числа людей в шляпах, так что этот признак выделял бы его из фона достаточным образом. При этом рядом могло бы находиться множество людей в шляпах, которых бы Ральф не видел, например стоя к ним спиной. Это обстоятельство имеет индексный характер и является частью контекста. «Человек на пляже», по-видимому, шляпы на голове не имеет и идентифицируется не только по своим собственным признакам, среди которых седины и благонамеренный вид, но и по локализации относительно элементов пляжа и самого пляжа как локуса. Дейктическое поле берётся тогда как одно из многих таких полей и с учётом его разнообразных отношений с ними. В конкретной ситуации агент должен воспринимать употребляемые им дескрипцию, демонстратив или собственное имя как достаточные для однозначного указания, и координаты дейктического поля есть одно из условий такой достаточности⁸.

8 Повсеместно используемые инструкции по нахождению тех или иных объектов или точек пространства представляют собой примеры того, как взаимосвязаны между собой дейктические поля.

И это лишь один аспект такой взаимосвязи. Обсуждая примеры контекстной зависимости, Даниель Гиберман (Giberman 2016) вводит понятия псевдо-мереологического соединения и разделения как инструмент анализа сразу нескольких явлений. Среди них индексное значение предиката — «зеленый лист» (покрашенный краской), «красный арбуз» и «красный мак», метонимия смежности — «красный стол» (стол, покрытый красной скатертью), метонимия смеси (лист, пропитанный краской) и стертая метафора (изображение или макет объекта по отношению к самому объекту). Идея Гибермана состоит в том, что компонентом пропозиции в указанных случаях является не сам объект, но комплекс, образованный объектом в соединении (разделении) с каким-то определённым ситуацией аспектом своей репрезентации агентам, возможно с самим собой как целым. Многозначность предиката замещается здесь многообразием вариантов его употребления в одном и том же смысле по отношению к разным аспектам данности объекта. Я упоминаю об этом построении потому, что оно очень близко к способу формирования денотации *de re* термина в дейктическом поле. Агент избирает такой способ обозначения, который оказывается наиболее оптимальным в ситуации, поэтому метонимически, т. е. по схеме соединения с целым, «шляпа» Орткатта значима не сама по себе, а как отличающий маркер, позволяющий вернуться к объекту и обратиться к иным его свойствам. Таким же путём получена характеристика «на пляже», опирающаяся на пространственные координаты места и на его соотносённость с другими местами. Ральф не даёт характеристик *de dicto*, за исключением «человек», т. е. не имеет возможности опознать в возможных мирах подозрительного субъекта по его свойствам. Причина этого состоит, конечно, в чертах ситуаций, когда обычно мы лишены возможности получить сколько-нибудь полную дескрипцию объекта. Парадоксальным образом самый распространённый тип идентификации — через отношение именованности и *de re* терм — оказывается наименее поддающимся формализации, о чём свидетельствует вся длительная дискуссия о кросс-мировой идентичности.

Но дело, как мне кажется, состоит не только в ограниченной доступности объектов для фиксации их признаков, но и в принципиальном отличии порядка установления денотата обычных предикатов и порядка установления отношения именованности. Последнее требует шкалы, отличной от набора точек соотношения, на которых определены интенционалы предикатов, не связанных с отношением именованности. Это обстоятельство связано именно с кросс-идентификацией и когнитивно опирается на модель самотождественного и целостного Я, которое выступает в роли основания единства агента и фиксирует относительно себя изменение тех или иных характеристик объектов. Общая картина, в которой существуют индивиды, свойства которых меняются от мира к миру и во времени, где индивиды могут возникать и исчезать, сливаться и разделяться, представляется вполне естественной и отра-

жает некоторую метафизическую установку. Но при формализации именно это порядок отношений оказывается трудным для воспроизведения, поскольку, в различении языка-объекта и метаязыка мы получаем возможность описывать условия истинности выражений первого, через соотношение значений их компонентов и способов их соединения, но способ, каким, в частности, элементарные выражения *de re* связаны со своими референтами, остаётся неанализируемым элементом работы функции интерпретации. В предметной области модели можно различить столько индивидов, сколько необходимо для построения такой модели для предложения, группы предложений или аксиоматической системы, и кросс-мировая идентификация в обычном случае невозможна, так как в разных мирах мы встречаем не один и тот же индивид, меняющий свои свойства от мира к миру, а возможно, разные индивиды, имеющие в чём-то совпадающие, а в чём-то не совпадающие свойства. Это, очевидно, не то, что интуитивно предполагается под идентификацией.

Осуществление кросс-идентификации не зависит от функции интерпретации констант языка, поскольку если рассматривать связь индивидуальной константы с её референтом в данном мире, то она случайна, а для того чтобы обозначать «один и тот же индивид в разных мирах», требуется семантика того, что значит «один и тот же в разных мирах». Именно поэтому отношение именованья и требует дополнительной шкалы, по поводу которой можно теперь сказать, что образована она не точками соотнесения, но ситуациями именованья объектов *de re* термами. Областью значений такого отношения именованья являются упорядоченные, возможно конечные множества (ветви) ситуаций, следующих за ситуацией именованья. В каждой ситуации некоторой ветви можно найти в точности один дейктический референт, связанный отношением идентификации с исходным и с некоторым объектом следующей ситуации.

4. Возникновение и удержание *de re* термина

Абстракция отношения именованья позволяет выявить параметры, по которым можно восстановить ситуацию появления *de re* термина и, сделав соответствующую информацию объектом установки агента, обеспечить кросс-идентификацию. Здесь, хотя и не во всём, реализована идея Саула Крипке (Kripke 1979, 1986), легшая в основу так называемой каузальной теории референции. Ниже я предпринимаю попытку внедрить её механизм в семантику.

Пусть $S = s, s_1, s_2, \dots$ — ситуации, $W = w, w_1, w_2, \dots$ — миры, $T = t, t_1, t_2, \dots$ — моменты времени, $C = c, c_1, c_2, \dots$ — контексты, $AG = a, b, \dots$ — агенты, $ID = id, id_1, id_2, \dots, id_n$ — дейктические референты ситуации, из которых складываются дейктические поля агентов. $S = \langle W, T, C \rangle$, $C = \langle AG, ID \rangle$. Множество S упорядочено отношением $<$, и на $S \times ID \times AG$ определено отношение трансфор-

мации ситуаций \triangleright_a . Когда агент анонсирует выражение, это вызывает трансформацию ситуации и переход к другому миру и контексту, в которой дейктический референт удерживается. Трансформации ситуаций, конечно, могут быть вызваны и иными обстоятельствами. Таким образом, ситуация представляет собой комбинацию мира, времени и обстоятельств анонсирования выражений — агентов (говорящего, слушателя), дейктических референтов агентов, их установок относительно отношения именованного, в частности относительно кросс-ситуационной идентификации.

Термы *de re*, каковы имена собственные, дескрипции и сжатые до демонстратива дескрипции («тот парень» в высказывании «тот парень уже ушёл»), я буду обозначать, используя δ -абстракцию, т. е. предполагая, что всякий такой терм указывает либо на дейктический референт ситуации, либо на идентифицируемый с ним дейктический референт другой ситуации в другом мире. При этом употребление *de re* термина вне ситуации знакомства не требует присутствия референта в актуальном дейктическом поле.

Рассмотрим некоторую последовательность коммуникативных ситуаций, используя пример Куайна. В s_1 Ральф замечает необычно выглядящего человека, например, около верфи. Обращают на себя внимание пальто и шляпа, видимо не вполне уместные. Относительно этого человека в данном дейктическом поле Ральф формирует установку именованного, которая проявляется в предложении Ральфа

- (11) Человек в шляпе шпион.
 $c_1 = R : R.$
 $(\delta y . \text{spy}(\text{id} : s_1, R, y)) \langle H \rangle,$

т. е. шпионом является тот, кого Ральф в данном дейктическом поле идентифицировал как человека в шляпе. (11) анонсировано Ральфом самому себе⁹ (контекст c_1) и трансформирует s_1 в s_2 , в которой H получает для Ральфа *de re* референта id_2 , связанного отношением трансформации с id_1 в s_1 . Выраженная в (11) пропозиция скрывает в себе семиотический факт, а именно то обстоятельство, что некоторый дейктический референт был обозначен как H . Этот факт выражен предложением о тождестве, содержащем демонстратив:

- (12) Вон тот — человек в шляпе.
 $c_3 = R : R.$
 $\text{dem}(\text{id}_3 : s_3, R) = \text{id} : (\delta y . \text{id} : s_3, R, y)) \langle H \rangle,$

где референт демонстратива принадлежит дейктическому полю агента в ситуации, а дескрипция H употреблена, так сказать, в относительно меньшей степени *de re*, поскольку именно демонстратив придаёт значение её контекстному индексу. Возможное на этот счёт правило могло бы звучать так:

⁹ Примем это положение «филологической психологии».

из двух присутствующих в предложении идентификации *de re* термов более «ярким» является тот, набор условий интерпретации которого включает в себя набор условий интерпретации другого.

В (12) интерпретация демонстратива обеспечит и интерпретацию дескрипции, в то время как выражение справа от знака равенства есть описание условий, которым удовлетворяет объект демонстрации.

Абстракция отношения именованя в (11) сообщает этот факт косвенно, превращая *de re* терм «вон тот» из (12) в *de dicto* терм «объект, названный тем-то так-то и тогда-то», что, в свою очередь, позволяет дескрипции *H* в (11) стать *de re* термом (ниже это будет пояснено подробнее). Но обычно в коммуникации стадия присвоения имени не артикулируется, и участники устанавливают отношение именованя как импликатуру. Так, если Ральфом в коммуникации используется (11), то импликатурой становится суждение:

(12.i) Существует объект который Ральфом обозначается как «человек в шляпе».

Непосредственно после произнесения (11) подозрительный субъект может снять шляпу или вообще уйти. Суждение в s_4 , которое выносит Ральф для себя в этом случае будет отличаться от его сообщения приятелю Тому. Для Ральфа приемлемо

(13) Я полагаю, что человек в шляпе шпион.

$c_4 = R : R$; Орткатта нет в дейктическом поле Ральфа в s_4
 $(\delta y . \text{Bel} : R, \hat{(\text{spy}(\text{id}_1 : s_1, R, y)))} \langle H \rangle$,

поскольку c_4 очевидно. (13) можно прочесть следующим образом: «*H* — это *de re* терм, обозначающий тот дейктический референт ситуации s_1 , которого я так обозначил в s_1 , и относительно которого я полагаю, что это шпион», т. е. не уточняя, остаётся ли подозрительный субъект в дейктическом поле. Но если (13) анонсировано Тому, то, поскольку не происходит демонстрации, его импликатурой становится нерелевантное суждение:

(13.i) В дейктическом поле Ральфа в данной ситуации присутствует референт ранее введённой им *de re* дескрипции *H*, который может быть однозначно идентифицирован мной.

Таким образом, если контекст не позволяет Тому идентифицировать подозрительного субъекта, Ральф должен артикулировать в высказывании опущенные данные:

(13.1) Я полагаю, что отсутствующий здесь человек в шляпе шпион.

$c_4 = R : T$; Орткатта нет в дейктическом поле Ральфа и Тома в s_4
 $(\delta y . \text{Bel} : R, \hat{(\text{spy}(\text{id}_1 : s_1, R, y)))} \langle H \rangle \wedge \neg \exists \text{id} : (\delta y . \text{id} : s_4, R, y) \langle H \rangle$.

Если вдруг Орткатт возвращается и в шляпе, контекстная меняется, подозрительный субъект снова в дейктическом поле:

(13.2) Я полагаю, что человек в шляпе шпион.

$$c_4 = R : T; \text{Орткатт в наличии, } id_1 \in s_1 \blacktriangleright_R id_4 \in s_4 \\ (\delta y . \text{Bel} : R, \wedge(\text{spy}(id_1 : s_1, R, y))) \langle H \rangle,$$

чему импликаатура (13.i) релевантна.

Это порождает ситуацию s_5 , в которой, если речевой действие Ральфа было успешным, у Тома возникает установка, выражаемая так:

(14) Я полагаю, что Ральф полагает, что человек в шляпе шпион.

$$c_5 = T : T. \\ (\delta y . \text{Bel} : T, \wedge(\text{Bel} : R, \wedge(\text{spy}(id_4 : s_4, R, y)))) \langle H \rangle,$$

т. е. H — это *de re* терм, обозначающий тот дейктический референт ситуации s_3 , относительно которого Том полагает, что он обозначается Ральфом в s_3 с помощью H и что относительно него Ральф полагает, что это шпион. Знакомство Тома с подозрительным субъектом реализуется с использованием предложенного Ральфом способа обозначения, так что происходит сдвиг ситуации вперёд. Но Том не столь подозрителен, как Ральф:

(15) Я полагаю, что человек в шляпе не шпион.

$$c_5 = T : T; id_4 \in s_4 \blacktriangleright_T id_5 \in s_5 \\ (\delta y . \text{Bel} : T, \wedge(\neg\text{spy}(id_4 : s_4, R, y))) \langle H \rangle,$$

что можно прочесть следующим образом: «относительно дейктического референта, который в ситуации s_4 был обозначен Ральфом термом H , я в s_5 не считаю, что он шпион». Если Том принимает отношение именованности, данное Ральфом, то впредь он может пользоваться дескрипцией H без отсылки к Ральфу:

(16) $(\delta y . \text{Bel} : T, \wedge(\neg\text{spy}(id_4 : s_4, T, y))) \langle H \rangle$.

Для представления дейктического референта одного агента другому дейктические поля агентов в ситуации должны пересекаться, и информацию об этом обстоятельстве агенты могут хранить в истории удержания референта¹⁰. Том приглядывается к человеку в шляпе:

(17) Ральф показал мне человека в шляпе, которого он считает шпионом, но это мой сосед.

$c_7 = T : T$; Ральф не знает или не узнал соседа Тома.

(17.1) $(\delta x . \delta y . \text{dem}(R, (id_4 : s_4, T, y)) \\ \wedge \text{Bel} : R, \wedge(\text{spy}(id_4 : s_4, T, y)))$

¹⁰ Это важно для оценки релевантности возможных импликатур:

- Человек в шляпе шпион.
- Но тут нет никого в шляпе!
- Он успел снять шляпу до твоего прихода.

Или:

- Человек в шляпе шпион.
- Но тут все в шляпах!
- Обернись и посмотри назад.

$$\wedge (\text{id}_4 : s_4, T, y) \approx (\text{id}_7 : s_7, T, x))(\langle H \rangle)(\langle MN \rangle),$$

что можно прочесть так: «референт id_7 , обозначенный мною в s_7 термом MN , идентифицируется мною с референтом id_4 , который был представлен мне Ральфом дескрипцией H и относительно которого он полагает, что это шпион». Здесь шаг назад к s_4 необходим для того, чтобы показать момент узнавания Томом соседа в s_7 . Кроме того, все именованья даны Томом, а не Ральфом, поэтому здесь возможна только идентификация. Выразить тождество дейктических референтов можно тогда, когда некоторый объект в роли дейктического референта получает именованье от разных агентов. Альтернативный, но не до конца приемлемый вариант прочтения (17) выглядит так:

$$(17.2) (\delta x . \delta y . \text{dem}(R, (\text{id}_7 : s_7, R, y)) \\ \wedge \text{Bel} : R, \wedge (\text{spy}(\text{id}_7 : s_7, R, y)) \\ \wedge (\text{id}_7 : s_7, R, y) = (\text{id}_8 : s_7, T, x))(\langle H \rangle)(\langle MN \rangle).$$

Это выражение гласит, что дейктический референт, который в s_7 был показан Тому Ральфом, обозначается Томом с помощью термина MN , обозначается Ральфом термом H и относительно него Ральф полагает, что это шпион.

Но ведь знакомство и обмен мнениями произошли раньше узнавания соседа, откуда и некоторая неадекватность передачи содержания (17). Дополним (17.2) утверждением идентификации:

$$(17.3) c_7 = T : T; \text{Ральф не знает или не узнал соседа Тома}; \text{id}_4 \in s_4 \blacktriangleright_R \text{id}_7 \in s_7 \\ (\delta x . \delta y . \text{dem}(R, (\text{id}_4 : s_4, R, y)) \\ \wedge \text{Bel} : R, \wedge (\text{spy}(\text{id}_4 : s_4, R, y)) \\ \wedge (\text{id}_4 : s_4, R, y) \approx (\text{id}_7 : s_7, R, x) \\ \wedge (\text{id}_7 : s_7, R, y) = (\text{id}_8 : s_7, T, x))(\langle H \rangle)(\langle MN \rangle),$$

где id_7 и id_8 — индексы дейктических референтов Ральфа и Тома в ситуации s_7 , которые относятся к одному объекту. Использование H осуществляется только Ральфом, и через него же Том фиксирует идентичность референта через миры и ситуации. Это естественно, поскольку Том знакомится с объектом при посредстве Ральфа и его *de re* дескрипции. Узнав соседа, Том мог бы сказать (18):

$$(18) \text{Ральф показал мне моего соседа, которого он считает шпионом.} \\ c_8 = T : T; \text{id}_4 \in s_4 \blacktriangleright_R \text{id}_9 \in s_8 \\ (\delta y . \text{PAST}(\text{dem}(R, (\text{id}_4 : s_4, T, y)) \\ \wedge \text{Bel} : R, \wedge (\text{spy}(\text{id}_9 : s_8, T, y)) \\ \wedge (\text{id}_4 : s_4, T, y) \approx (\text{id}_9 : s_8, T, x))(\langle MN \rangle).$$

Читается: «объект, который я обозначаю термом MN , в прошлом был представлен мне Ральфом, и относительно него Ральф полагает (тогда и теперь), что он шпион». Здесь дескрипция Ральфа не используется, и для наблюдателя не ясно, знает ли Ральф, что сосед Тома и человек в шляпе — это одно и то же лицо.

Вместе с тем коммуникативная задача (17) состоит в том, чтобы сообщить, что Ральф считает шпионом соседа Тома, называя его человеком в шляпе. Противительное «но» отрицает именно адекватность именованного, и легко можно себе представить, что, когда Том проясняет Ральфу ситуацию, заданная в ходе знакомства дескрипция *H* выходит из употребления.

Почему этот так?

5. Столкновение *de re* термов

Идентичность объектов есть отношение, задаваемое изначально некоторым агентом, тогда как другие агенты узнают о нём в коммуникации или же устанавливают его сами. Узнавание соседа в s_7 меняет статус дескрипции *H*, поскольку в системе «когнитивной экономики» в роли *de re* термина выгоднее иметь выражение, отражающее более устойчивую характеристику объекта, т. е. тяготеющую к *de dicto* и позволяющую лучше идентифицировать его *in absentia*. Это значит — с меньшей степенью задействования отношения идентификации, которое соотносит референта выражения здесь и теперь с действительным референтом ситуации, в которой он получил имя. На некотором интервале миров и ситуаций, например на таком, на котором Орткатт не меняет места жительства и является единственным соседом Тома, «сосед Тома» и «тот, кто является моим соседом» могут работать *de dicto*. Но даже если это и не так, то в ситуации s_7 *MN* возникает как более старый терм, с участием которого, возможно, прошли какие-то коммуникативные акты, соотношение содержания которых с содержанием текущих может оказаться для Тома полезным. «Яркое» имя *H* в этом случае «бледнеет» и приобретает контекстную зависимость уже иного характера. В высказывании, в котором сталкиваются два демонстратива

(19) Вот мой сосед {указание}, это человек в шляпе,

«человек в шляпе» равнозначно «человек в шляпе, как его назвал Ральф». В терминах Франсуа Реканати добавление такого рода информация делает выражение насыщенным (Recanati 2012):

(20) Вот мой сосед {указание}, это человек в шляпе, как его назвал Ральф.

Использование *H* ранее было контекстно зависимым в «индексном» смысле, поскольку требовалось указание действительного референта, ситуации и агента, содержание же (19) предполагает объяснение того, зачем «яркое» имя появляется на позиции предиката. В (20) информация становится полной, мы понимаем, что имела место ситуация знакомства, *H* использовалось как *de re* терм, который теперь становится похожим на неспецифический *de re* терм и играет роль компонента предиката *de dicto* «быть тем, кого Ральф назвал человеком в шляпе», требующего для своей интерпретации означивания параметров места и времени.

При столкновении двух *de re* термов наиболее «яркий» из них занимает позицию субъекта, а менее яркий «бледнеет» и тяготеет к *de dicto*. В дальнейшей же коммуникации этот последний терм отбирает функцию непосредственной референции от более яркого: от демонстратива — дескрипция или имя собственное, от дескрипции — имя собственное. В следующих примерах представлены разные сочетания.

- (21) — Вон тот, человек в шляпе, подозрителен.
 — Чем же человек в шляпе тебе не нравится?
 (#Чем же вон тот тебе не нравится.)
- (22) — Человек в шляпе — мой сосед.
 — А как твой сосед сюда попал?
 (#А как человек в шляпе сюда попал?)
- (23) — Вон тот, это Орткатт.
 — А кто такой Орткатт?
 (#А кто такой вон тот?)
- (24) — Вон тот, Орткатт.
 — Ты знаешь, что его зовут Орткатт?
 — Да, это он.
 — И как Орткатт сюда попал?
 (#И как вон тот сюда попал?)

Можно видеть, что дифференциация *de re / de dicto*, во-первых, относительна, во-вторых, контекстно зависима, и обстоятельства, означающие индексы имеют прагматический характер. Пусть Ральф показывает Тому подозрительного субъекта, используя одновременно демонстратив и дескрипцию *H*:

- (25) Вон тот — человек в шляпе.

Коммуникативная задача (25) состоит в том, чтобы указать Тому на референт *H*, установленный Ральфом для этой дескрипции ранее. Чтобы сформулировать условия истинности (25) относительно тройки *w, t, c* так, чтобы получить единственный *de re* терм, будем исходить из следующего:

- (a) *c* фиксирует такие параметры, как говорящий, слушатель, историю появления *de re* термов;
- (b) референт демонстратива принадлежит дейктическому полю ситуации;
- (c) семантика абстракции отношения именованя определяется как в (10):

$$[(\delta y . \text{id} : s^*, a, y) \langle B \rangle]_s =$$

$$[\text{id}]_{c^*} : [a]_{c^*} \text{ именуется его } [\langle B \rangle]_s =$$

$$[\text{id}]_{c^*} : a \text{ именуется его } \langle B \rangle =$$
 дейктический референт id^* ситуации s^* , такой, что a^* ситуации s^* именуется его $\langle B \rangle$, где $\text{id}^* \in s^* \triangleright_a \text{id} \in s$ фиксируется контекстом s .

- (26) $s \models$ Вон тот — человек в шляпе.

при c : R обращается к T , «человек в шляпе» — ранее введённый *de re* терм R , так что существуют id^* и s^* : $id^* \in s^* \blacktriangleright_{\text{Ральф}} id \in s$.

\Leftrightarrow

$[\text{есть}]_s ([\text{вон тот}]_s, [\text{человек в шляпе}]_s)$

\Leftrightarrow

$[\text{есть}]_c ((id \in ed_s), [\text{человек в шляпе}]_s)$

\Leftrightarrow

$[\text{есть}]_c ((id \in ed_s), [(\delta y . id : s^*, \alpha, y) \text{«человек в шляпе»}]_s)$

\Leftrightarrow

$[\text{есть}]_c ((id \in ed_s), [id]_{c^*} : [a]_{c^*} \text{именует его } [\text{«человек в шляпе»}]_s)$

\Leftrightarrow

$[\text{есть}]_c ((id \in ed_s), id^* \in ed_{s^*}: \text{Ральф именует его «человек в шляпе»}),$
где $id^* \in s^* \blacktriangleright_{\text{Ральф}} id \in s$

\Leftrightarrow

$id \in s$ идентифицируется с $id^* \in s^*$, таким, что Ральф именует его «человек в шляпе», и $id^* \in s^* \blacktriangleright_{\text{Ральф}} id \in s$

\Leftrightarrow

демонстрируемый Ральфом в ситуации s дейктический референт id идентифицируется Ральфом с дейктическим референтом id^* более ранней ситуации s^* , в которой Ральф обозначил его «человек в шляпе», и такой, что для Ральфа она трансформируема в s^* .

Связка «есть» получает здесь значение в зависимости от контекста. Если бы имело место присвоение имени в ходе знакомства, то ситуация была бы одна и дейктический референт также один, и в этом случае «есть» означало бы тождество. Можно видеть, что в (26) дескрипция H утрачивает функцию непосредственно употребляемого *de re* термина за счёт того, что дейктические референты разных ситуаций не могут быть тождественны, но могут идентифицироваться. Вследствие этого H становится компонентом предиката «быть обозначаемым H дейктическим референтом более ранней ситуации, который идентифицируется с дейктическим референтом текущей ситуации», т. е. «бледнеет» до *de nomine* как варианта *de dicto*. В (26) установление условий истинности (25) существенно определялись прагматикой (25), поскольку от коммуникативных задач говорящего зависит выбор *de re* термов и их сведение в одном выражении, что означает, собственно, и относительную дифференциацию референциальных и нереференциальных употреблений.

В целом же столкновение *de re* выражений и описанные выше возникающие при этом эффекты позволяют увидеть ту особую работу отношения именования, которая с ними сопряжена, в частности формирование у агента в ситуации присвоения имени кросс-идентификационных последовательностей ситуаций, достижимых из исходной и обеспечивающих соотношение их дейктических референтов с исходным. Выражения, в наибольшей степени сохраняющие *de re* характер, вовлекают в интерпретацию информацию, которой оказывается достаточно для установления значения всех иных выра-

жений, но выбор того, какое выражение станет триггером условий истинности остаётся за агентом, исходящим из целей коммуникации. Это значит, что установки, связанные с отношением именованья, имеют не только некоторый технических характер, но позволяют агенту определять ход интерпретации анонсируемых им выражений, что в конкретной ситуации может иметь тот или иной прагматический эффект.

6. Другие задачи

Как мне кажется, абстракция отношения именованья, основанная на нём кросс-идентификация и соответствующие установки агентов могут оказаться полезными для анализа ряда интересных феноменов, каково, например, неспецифическое *de re*¹¹:

(27) Том хочет купить пальто как у меня.

(28) Мэри хочет купить небоскрёб в 192 этажа.

Здесь в первом случае говорящий не имеет информации о том, знает ли Том, какое у говорящего пальто и существуют ли другие такие пальто, а во втором случае Мэри, показав на небоскрёб в 191 этаж и не зная, сколько в нём этажей, объявила о желании купить небоскрёб на один этаж выше, не имея также информации о существовании таких объектов или о возможности их сооружения.

Я выскажу здесь лишь предположения о том, какой анализ могут получить эти примеры. В (27) и (28) говорящий обращается к некоторому собеседнику, предполагая коммуникативные задачи, для успешной реализации которых не требуется точного воспроизведения знаний Тома и Мэри.

Так, если бы Том знал о пальто говорящего, то ему можно было бы приписать акт именованья и кросс-идентификационную последовательность, так что в своих булетических альтернативах он располагал бы нужным дейктическим референтом, подобие которому можно было бы выразить предикатом, а в логической форме присутствовал бы квантор существования по доменам соответствующих миров. Гораздо сложнее сценарий, при котором это не так и говорящий опирается на свои предположения о действиях Тома, например, видя его рассматривающим и примеряющим пальто, похожее на пальто говорящего, возможно уже не существующее. «Моё пальто» как *de re* терм говорящего возникает, возможно, ранее, и в связи с ним говорящим выстраиваются ветви ситуаций, позволяющие идентифицировать «мой пальто» в аль-

¹¹ «Специфическое» чтение *de re* термина имеет место тогда, когда известно, что у него имеется конкретный референт. «Неспецифическое» же имеет место в случае, когда, например, установку агента необходимо интерпретировать в возможном мире, в котором будет истинна пропозиция, имеющая реальные конститuenty, пока ещё, однако, не определённые. Это отличает неспецифическое *de re* от *de dicto*, т. е. атрибутивной дескрипции.

тернативных ситуациях. Здесь импликатурой¹² в ситуации произнесения (27) становится знание собеседника о том, каково пальто говорящего, тогда как в первом случае это не обязательно так. Но что если говорящий именно эту импликатуру и хотел вызвать? Ситуации произнесения (27), в которой пальто говорящего существует и не существует, различны, прежде всего, своей прагматикой. Если пальто говорящего существует, то он может хотеть того, чтобы у Тома не было такого же, дабы, например, не попасть в неловкую ситуацию, оказавшись где-либо в одинаковых пальто. Если же пальто говорящего утрачено, то его замечание может вообще не иметь иной цели, кроме указания на любопытное обстоятельство.

При формализации (27) в случае, когда Том не обладает сведениями о пальто говорящего, возникают немалые трудности (см. Schwager 2011), ибо квантификация в установке идёт по мирам ситуаций булетических альтернатив, а «моё пальто» имеет референта по крайней мере в одной из ситуаций прошлого. Здесь нужно либо использовать предикат «быть тем пальто, которое хочет купить Том», либо сослаться на идентификационные последовательности ситуаций, сопряжённые с присвоением *de re* термина «моё пальто» дейктическому референту в прошлом. И такие последовательности должны быть, во-первых, приписаны говорящему уже в этой исходной ситуации, во-вторых, должны распространяться на последовательности эпистемических и булетических ситуаций других агентов. Процедурная интерпретация установок Тома содержательно передаёт (27) так:

Действия Тома позволяют судить о его желании купить пальто, а также о том, что пальто некоторого вида для него предпочтительны. Референт термина «моё пальто» относится к этому виду.

Возможная формализация (27) имеет вид:

$$(29) \quad W(T, \wedge(\exists x . \text{buy}(T, x) \wedge \text{coat}(x) \wedge \text{simil}(x, (\delta y . \text{id}_1 : s_1, S, y) \langle MC \rangle))),$$

где W — булетический оператор, а предикат подобия работает с объектами одного и того же мира. Это достигается тем, что при интерпретации (29) в контексте сигнификативных установок S мы сначала обращаемся к ситуации s_1 и её дейктическому референту id_1 , получающему от S обозначение « MC ». Затем S сопоставляются идентификационные последовательности ситуаций, к числу которых относятся и последовательности, проходящие через некоторые булетические альтернативы T . Это значит, что в этих мирах присутствуют объекты, идентифицируемые говорящим с id_1 , и их подобие референту x можно установить. Существование хотя бы одного такого мира обеспечивает условие возможности истинности (27), даже если во всех иных мирах булетических альтернатив Тома, ничто не идентифицируется с id_1 . Но в момент анонсирования (27) все такие альтернативы равноценны, и говорящий берёт те из них, до которых id_1 удерживается. Если же пальто говорящего не суще-

¹² Хотя, по-видимому, не вполне в лингвистическом понимании.

ствуует уже в ситуации произнесения, то от этого ничего не меняется, ибо оно всё же существовало в s_1 и линия его удержания просто минует актуальный мир. Таким образом, оказывается, что булетические альтернативы Тома должны включаться в последовательности удержания id_1 для говорящего. Условие истинности (29) содержит в этом случае требование:

контекст интерпретации (29) включает такую установку S относительно именованья и удержания id_1 в последовательностях ситуаций, что каждая из булетических альтернатив T принадлежит по крайней мере одной из этих последовательностей.

Можно сформулировать общее правило:

(30) Интерпретация выражения вида $Q(A_1, \hat{(\dots (\delta y . id : s^*, A_2, y) \langle X \rangle \dots)})$ в ситуации s предполагает, что контекст $c^* \in s^*$ содержит информацию об отношении между ситуациями, к которым относятся миры, связанные с установкой Q и кросс-идентификацией id .

Рассмотренные выше примеры столкновений *de re* термов следует рассматривать как частные случаи выполнения (30).

Сходным образом может быть описано и вторжение дескрипции говорящего в описание установки Мэри. Её *de re* терм «вот этот небоскрёб» в ситуации, когда более высоких небоскрёбов нет, о чём она не знает, превращает терм «небоскрёб на один этаж выше этого» в неспецифический *de re* терм, уходящий от прямой референциальности, а в устах говорящего — в выражение *de dicto* «небоскрёб в 192 этажа». Если цель коммуникации состоит, например, в выполнении пожеланий Мэри как клиента агентства недвижимости, то выбранный способ сообщения о её пожеланиях оптимален. Неопределённость в вопросе о том, знает ли Мэри, сколько этажей в указанном ею небоскрёбе, ничему не мешает, ведь при любом из ответов на этот вопрос можно повести себя так, чтобы она осталась довольна покупкой. Здесь удержание идентификации *de re* термина требуется говорящему, чтобы идентифицировать соответствующее положение дел.

Заключение

Контекстный параметр процедурного блока, отвечающего за денотацию *de re* термина в рамках установки агента, отражает некоторое знание агента об отношении именованья. Такого рода блоки, соответствующие разным агентам или разным именованьям одного и того же объекта одним агентом, при заменах не изменяют общей структуры процедуры установления значения выражения. Не происходит этого и при сдвиге значения параметра с агента установки на наблюдателя. Такое отличие процедур друг о друга не позволяет отождествить их в сильном смысле, но позволяет использовать тождество с точностью до замены блока денотации *de re* термина на другой, обеспечиваю-

щий тот же денотат. Процедурное понимание интенционала, таким образом, сочетается с его контекстной зависимостью, а параметрами контекста становятся установки агента, касающиеся отношения именованного. В логической форме они могут быть артикулированы с помощью применения абстракции отношения именованного к *de re* термам, что делает их явными и непосредственно вовлекает их значения в формирование интенционала. Эти параметры синтаксически выражены обычно «нулевыми» знаками, а их содержание означает не функцию интерпретации, но информацией контекста. Использование здесь восстановления неартикулированных конститuent возможно, но, поскольку содержанием таких конститuent станут семиотические факты, для интерпретации обогащённого выражения потребуется интерпретировать предикаты «обозначает», «идентифицируется» и пр., т. е. пойти путём формализации семантического метаязыка, что, пожалуй, нежелательно. В целом, можно считать, что благодаря использованию абстракции отношения именованного *de re* выражение утрачивает свой характер и замещается своего рода *de dicto* выражением, обозначающим свой денотат непрозрачно, т. е. выявляя отношение именованного.

Вторым важным следствием такой операции становится появление приписываемых агенту установок относительно отношения именованного. В них не только сообщается о том, какие дейктические референты и при каких обстоятельствах получили те ли иные прямо референциальные обозначения, но описывается и их возможная кросс-идентификация. Отношение именованного в целом предстаёт как функция от ситуаций в упорядоченные, возможно конечные множества (ветви) ситуаций, следующих за ситуацией именованного, в каждой из которых от ситуации к ситуации удерживается некоторый дейктический референт, связанный отношением идентификации с исходным и с некоторым объектом следующей ситуации.

Такое удержание открывает возможность для столкновения *de re* выражений в предложении или во фрагменте дискурса. Выражения, в наибольшей степени сохраняющие *de re* характер, вовлекают в интерпретацию информацию, которой оказывается достаточно для установления значения всех иных выражений. При этом выбор того, какое выражение потребует описания условий истинности, в наибольшей степени привязывающего значение к конкретной ситуации, остаётся за агентом, преследующим некоторые коммуникативные цели. Это значит, что установки, связанные с отношением именованного, имеют не только технический характер, но позволяют агенту определять ход интерпретации, что в ситуации может иметь тот или иной прагматически эффект. Общий принцип, который можно сформулировать в связи как с описанными в последнем разделе, так и с иными сложными случаями употребления *de re*, гласит, что «вторжение» сигнификативной установки *de re* говорящего в установку агента требует для своего описания учёта свойств конкретного отношения, складывающегося между порядком

именования и кросс-идентификации говорящего и мирами ситуаций, ассоциированных с интерпретацией установки агента.

Литература

- Фреге 2000 — *Фреге Г.* О смысле и значении // *Логика и логическая семантика: Сборник трудов / пер. с нем. Б. В. Бирюкова под ред. З. А. Кузичевой.* М.: Аспект-Пресс, 2000. С. 230–246.
- Anderson 2001 — *Anderson C. A.* Alternative (1*): a Criterion of Identity for Intensional Entities // *Logic, Meaning and Computation: Essays in Memory of Alonso Church / ed. by C. A. Anderson, M. Zeleny.* Boston: Kluwer, 395–427.
- Church 1951 — *Church A.* A Formulation of the Logic of Sense and Denotation // *Structure, Method and Meaning. Essays in honor of H. M. Sheffer.* New York, 1951. P. 3–24.
- Giberman 2016 — *Giberman D.* Moving Parts: A New Indexical Treatment of Context-Shifting Predication // *Synthese.* 2016. Vol. 193. P. 95–124.
- Heim, Kratzer 1998 — *Heim I., Kratzer A.* Semantics in Generative Grammar. Blackwell Publishers, 1998.
- Kaplan 1968 — *Kaplan D.* Quantifying In // *Synthese.* 1968. Vol. 19. P. 178–214.
- Kaplan 1977 — *Kaplan D.* Demonstratives: An Essay on the Semantics, Logic, Metaphysics and Epistemology of Demonstratives and other Indexicals // *Themes from Kaplan / ed. by J. Almog, J. Perry, H. Wettstein.* Oxford University Press, 1989. P. 481–563.
- Kripke 1979 — *Kripke S.* A Puzzle about Belief // *Meaning and Use / ed. by A. Margalit.* Synthese Language Library (Texts and Studies in Linguistics and Philosophy). Vol. 3. Dordrecht: Reidel, 1979. P. 239–283.
- Kripke 1986 — *Kripke S.* A Problem in the Theory of Reference: the Linguistic Division of Labor and the Social Character of Naming // *Philosophy and Culture. Proceedings of the XVIIth World Congress of Philosophy.* Montreal: Montmorency, 1986. P. 241–247.
- Lewis 1980 — *Lewis D.* Index, Context, and Content // *Philosophy and Grammar / ed. by S. Kanger, S. Öhman.* Dordrecht: Reidel, 1980. P. 79–100.
- Percus, Sauerland 2003 — *Percus O., Sauerland U.* On the LFs of Attitude Reports // *Proceedings of Sinn und Bedeutung.* Vol. 7. 2003. P. 228–242.
- Perry 2001 — *Perry J.* Reference and Reflexivity. Stanford, California: CSLI Publications, 2001.
- Recanati 2012 — *Recanati F.* Pragmatic Enrichment // *The Routledge Companion to the Philosophy of Language.* Oxford University Press, 2012. P. 67–78.
- Schiffer 1977 — *Schiffer S.* Naming and Knowing // *Midwest Studies in Philosophy.* 1977. Vol. 2. P. 28–41.
- Schwager 2011 — *Schwager M.* Speaking of Qualities // *Proceedings of SALT.* Vol. 19. 2009. P. 395–412.
- Scott 1970 — *Scott D.* Advice on Modal Logic // *Philosophical Problem in Logic. Some Recent Developments / ed. by L. Lambert.* Dordrecht: Reidel, 1970. P. 143–173.
- Sosa 1970 — *Sosa E.* Propositional Attitudes De Dicto and De Re // *Journal of Phi-*

- losophy. 1970. Vol. 67. P. 883– 896.
- van Frassen, Lambert 1970 — *van Frassen B., Lambert L.* Meaning, Relations, Possible Objects, and Possible Worlds // *Philosophical Problems in Logic* / ed. by L. Lambert. Dordrecht: Reidel, 1970. P. 1–20.
- Yalcin 2015 — *Yalcin S.* Quantifying In from a Fregean Perspective // *Philosophical Review*. 2015. Vol. 124, no. 2. P. 207–253.
- Yalcin 2019 — *Yalcin S.* Parameteric Context-Sensitivity. URL: <https://static1.squarespace.com/static/551f03bce4b0bf9fbfefa27c/t/5dcd99f2d2cd1f47c5329f85/1573755380972/oxfordstudies.pdf> (accessed: 15.11.2019).